

Бой Добрыни с Ильей Муромцем (2)

Ай во том во городи во Рязанюшки.
Доселева Рязань-то слободой слыла,
Нонече Рязань-то словё городом.
В той-то Рязанушки во городи
Жил был Микитушка Романович.
Живучись, братцы, Микитушка состарилсе,
Состарилсе Микитушка, сам представилсе.
Ище жил-то Микита шестьдесят годов,
Снес де Микита шестьдесят боёв,
Ишше срывосних, урывосних цисла-смёту нет.
Оставалась у Микиты любимá семья,
Ай любима семья-та — молода жена,
Молодыя Омельфа Тимофеевна;
Оставалось у Микиты чадо милое,
Милоё чадышко любимое,
Молодыя Добрынюшка Никитиць сын.
Осталсе Добрыня не на вóзрости,
Ка-быть ясной-от сокол не на вóзлети,
И осталсе Добрынюшка пяти-шти лет.
Да возрос де Добрыня-та двенадцеть лет.
Изучилсе Добрынюшка вострой грамоте,
Научилсе Добрынюшка да боротисе,
Ишшо мастёр Микитич а крутой метать,
На белы-ти ручки не прихватывать.
Шьто пошла про ёго слава великая,
Великая эта славушка немалая
По всим городам, по всим украинам,
По тем-то ордам по татаровям;
Доходила эта славушка великая
Ай до славного города до Муромца,
До стары казака-то Ильи Муромца, —
Што мастёр Добрынюшка боротисе,
А крутой де метать на сыру землю;
Ишше нету такова борца по всей земли.
Стал тогды Илеюшка собиратисе,

Ишше стал тогда Илеюшка собрунятисе
Ай на ту-эту на славушку великую,
На того же на борьца на приудáлово.
Он седлал, уздал тогда коня добраго,
Ай накладывал уздїцю-ту тесмяную,
Ай наметывал седельшко чиркальскойё,
Да застегивал двенадцеть вси подпружины,
Застёгивал двенадцеть вси спенёчики;
Ай подпружяны-ти были чиста сéребра,
Да спенёчки-ти были красного золота.
И сам тогда стал сбруды приговаривать:
— Булат-железо не пóгнитце,
Самохїньской-о шолк сам не пóрвитце,
Ише красно-то золото в грязи не ржáвеёт.

Только видели Илеюшку собираючись,
Не видели поездочки Илья Муромца;
Только видели — во поли куревушка вьёт.
Он здраво-то ехал полё чистое,
И здраво-то ехал лесы тёмныя,
И здраво-то ехал грязи чёрныя.
Ишше еде ко Рязанюшки ко городу;
Ко городу ехал не дорогою,
Во город заезжаё не воротами, —
Конь скакал же через стену городóвую,
Мимо ту же круглу башню наугольнюю,
Ишше сам жа говорил тогда таково́ слово:
— Ай доселева Рязань-то слободой слыла,
И нонече Рязань-то слывет городом.

Увидал-то он маленьких ребятушок
И сам говорил им таково слово:
— И скажите вы, живет где-ка Добрынюшка?

Доводили до Добрынина широка двора:
У Добрынюшки двор был неогрómистой,
Ай подворьцо-то было необширное,
Да кричал-то он, зычал зычным голосом,
Ай во всю жа богатырску буйну головушку;
Ишше мать сыра земля под им потрясаласе,
Ай Добрынина избушка пошатиласе,
Ставники в его окошках помитúсились,

Стёколенки в окошках пошорбалисе.

— Эли в доми Добрынюшка Микитиц сын?

Услыхала де Омельфа Тимофеевна,

Отпирала де окошочко косисчато

И рець готóрила потихóшеньку,

Да сама жа говорила таково́ слово:

— Уж и здраствуй, восударь ты да Илья Муромець!

Добро жаловать ко мне-ка хлеба-соли ес<т>ь,

Хлеба, соли ко мне исть, вина с медом пить.

Говорил восударь тогды Илья Муромець:

— Ише как меня знашь, вдова, ты именём зовешь,

Почому же ты меня знашь из отечесьтва?

Говорила Омельфа Тимофеевна.

— И знать-то ведь сокола по вы́лету,

Ишше знать-то богáтыря по вы́езду,

Ише знать молодца ли по поступочки.

Да немного де Илеюшка розговаривал;

Ишше речь говорит — коня поворачиват.

Говорила де Омельфа Тимофеевна:

— Уж ты гой есь, восударь ты Илья Муромець!

Ты не буди ты спальчив, буди милослив:

Ты наедёшь как Добрынюшку на чистóм поли,

Не сруби-тко Добрынюшки буйно́й головушки;

Добрынюшка у миня ведь молодёшенёк,

На речах у мя Добрынюшка зашибчивой,

На делах у мя Добрыня неуступчивой.

Да поехал восударь тогды во чистó полё.

Он выехал на шбломя на окатисто,

На окатисто-то шбломя, на угóристо,

Да увидел под восточнёй под стороночкой —

Ише ездит дородней доброй молодець,

Потехаитце потехами веселыма:

Ише мечот свою палецю боёвую,

Да на белы-ти рученьки прихватывал,

Ай ко палеци своей сам приговаривал:

— Уж ты палеця, палеця боёвая!

Ишше нету мне топере поединшика,

Ишше руського могучого богáтыря.

Говорил восударь тогды Илья Муромець:

— Уж те полно, молодёць, ездить, потехатисе.
Небылыма словами похвалятисе!
Ум мы съедимсе с тобой на́ поли, побратаимсе,
Ай кому-то де на́ поли будё божья́ помошшь.

Услыхал-то Добрынюшка Микитиць сын,
Ото сна будто Добрынюшка пробуждайтце,
Поворачивал своёго коня доброво.
А как съехались богатыри на чистом поли,
Ай ударились они пальцями боёвыми,
И друг дружки сами они не ранили
И не дали раны к ретиву́ сердцу.
Как тут съехались во второй након,
Ай ударились они саблеми-ти вострыма,
Они друг дружки сами не ранили,
Ишше не дали раны к ретиву сердцу.
А как съехались богатыри во третьей након,
Ударились ведь копьеми бурзомецькими,
Ище друг-то дружки сами не ранили,
Ишше не дали раны к ретиву́ сердцу,
Только сабли у их в руках поломалисе.
Да скакали через гривы-ти лошадиныя,
Ай схватилисе богатыри большім боём,
Ай большим-то боём да рукопашосним,
Да водилисе богатыри по перьвой час,
Да водилисе богатыри по вто́рой час,
Ай водилисе богатыри ровно три часа.
Да по божью́ было всё по милости,
По Добрынюшкиной было да по участи:
Подвернулась у Илеюшки права ножочка,
Ослабла у Илеюшки лева ручушка;
Ишше пал-то Илеюшка на сыру землю;
Ишше сел тогды Добрыня на белы́ груди,
Сам он говорил ёму таково слово:
— Уж ты вой еси, дороднёй добрый молодець!
Уж ты ко́его города, какой земли,
Какого сын отца ты, какой матери,
И как молодца тибя именём зовут,
Ишше как звеличают из отечесьтва?

Говорит восударь-о Илья Муромець:

— Ай сидел-от кабы я у тя на белых грудях,
Не спросил бы я не родины, не вотчины,
А спорол бы я твои да груди белыя.
Досмотрил бы я твоёго ретива́ сердца, —
Говорил де Добрынюшка во второй након;
Говорил тогды Микитич во третей након;
Говорил же восударь тогды Илья Муромець:
— Уж как ежду я из города из Киева,
Ай старый де я казак-тот Илья Муромець,
Илья Муромець я ведь сын Иванович.

Да скакал тогды Добрынюшка со белых грудей,
Берё де Илеюшку за белы руки,
Ай чёлуё в уста-ти во сахарныя:

— Ты прости миня, Илеюшка, в таковой вины,
Шьто сидел у тебя да на белых грудях!

Ишше тут де братаны-ти поназванелись;

Ай крестами-ти сами они покрестовались;

Ай Илеюшка-то был тогды ведь бóльший брат.

Ай Добрынюшка-то был тогда а мёньший брат.

Да скакали ведь они на добрых коней,

Ай поехали братаны они в Рязань-город

Ай ко той они ко Добрыниной родной матушки.

Да стречёт их Омельфа Тимофеевна.

Приехали братаны из чиста поля,

Они пьют-то тогда сами, проклаждаютце.

Говорил жа восударь тогды Илья Муромець:

— Уж ты вой еси, Омельфа Тимофеевна!

Ты спусти-тко-се Добрынюшку Микитица,

Ты спусти-тко ёго ты да в красен Киев-град.

Да поехали братаны в красён Киев-град,

А к тому же де князю ко Владимёру.

*(Записано А. В. Марковым летом 1901 года в деревне Верхняя Зимняя
Золотица на Зимнем берегу Белого моря от Федора Тимофеевича
Пономарева, 72-73 лет.)*

Материалы, собранные в Архангельской губ. летом 1901 г. А. В. Марковым,
А. Л. Масловым и Б. А. Богословским. Труды Музыкально-этнографической
комиссии, т. I, М., 1905.